

Чжуан Шаогун и его спутники задержались на переправе Уси на три дня. За это время молодой господин успел сделать немало.

В первый день он отправил Уди, Бедствие смерти, на подмогу Вратам Духовной Настройки, чтобы окончательно вычистить остатки последователей Зла насекомых-гу и Зла гадания.

Уди, который недавно потерпел неудачу и попал в руки Умина, изрядно натерпевшись от него, теперь напоминал вырвавшегося из клетки тигра. Получив приказ «не убивать», он всякий раз, встречая сопротивление, пускал в ход кулаки, избивая несчастных до полусмерти. А если кто-то в мольбах просил о быстрой кончине, Уди назидательно отвечал:

— Смерти ищешь? Молодой господин сказал: даже букашка цепляется за жизнь, убивать — грех.

Один из приспешников Зла насекомых-гу пригрозил, что Глава Врат насекомых непременно отомстит за павшего господина. Уди, недолго думая, схватил его за голову и буквально впечатал в стену.

Чжуан Шаогун, увидев это, побледнел от гнева:

— Я же велел не убивать! Почему ты не слушаешь?

У Уди на всё имелись свои причины:

— Молодой господин, должно быть, ошибся. Тот, кого я приложил — не человек, а скотина.

На второй день Чжуан Шаогун собрал всех учеников Врат Духовной Настройки и устроил чтение лекций, увещевая их ступить на путь добродетели.

Ученики слушали его, едва сдерживая зевки и плохо понимая суть речей, но под суровым взглядом Уди, застывшего рядом подобно злему духу, им приходилось бодриться и восторженно выкрикивать одобрения. По призыву Чжуана они, вскинув руки, хором повторяли:

— Море страданий бескрайне, но стоит обернуться — и вот он, берег! Судьба в моих руках, а счастье — в моих делах!

Наконец настал третий день. Погода стояла ясная и тёплая. Чжуан Шаогун вознамерился отправиться к прибрежным скалам, чтобы сделать слепки с надписей, высеченных знаменитым Янь Чжэньцином. Умин к подобным затеям интереса не питал — он предпочитал спать, зарывшись в одеяла, так что Чжуану пришлось взять с собой Уди.

Умин проспал ещё полдня. Слегка разогнав по жилам внутреннюю энергию и почувствовав,

что силы понемногу возвращаются, он наконец выбрался из постели и умылся. Закончив с этим, он бесцеремонно вскрыл мешок Уди, выудил чистые нижние штаны, набросил на плечи верхнюю одежду и, прихватив плетеное кресло-качалку, устроился на галерее греться на солнышке.

Галерея огибала свайный дом, выходя прямо к мерцающей на свету воде. Вокруг не было ни души — тишина и покой. Умин закинул руки за голову, вытянул ноги, водрузив босые ступни на резные перила, и подставил грудь ласковому ветру, что гулял под полами его распахнутого одеяния, высушивая капли воды на коже. Он уже прикрыл глаза, собираясь вздремнуть, как вдруг услышал тихий девичий голос:

— Господин Чжуан здесь?

Умин лениво повернул голову. Перед ним стояла юная особа с волосами, уложенными в скромную причёску. Чжуан Шаогун упоминал, что её зовут Лань Сяньюй и что он признал её своей названной сестрой. Не найдя в этом ничего примечательного, он просто качнул головой.

— А вы не знаете, куда он ушёл? — снова спросила Лань Сяньюй.

Умин неопределённо махнул рукой в сторону далёких гор.

— Стало быть, на прогулку, — с любопытством протянула девушка. — Молодой герой, вам уже лучше? Почему бы и вам не пойти развеяться?

Умин не удостоил её ответом. Он молча созерцал горные выси и речную гладь; кресло его мерно раскачивалось, а во взгляде сквозило глубокое, почти осязаемое одиночество.

Лань Сяньюй, выросшая среди народа мяо, не слишком строго следовала правилам приличия, разделяющим мужчин и женщин. Увидев этого одинокого, болезненного юношу, она прониклась к нему сочувствием. Девушка заварила две чаши чая из целебных трав, принесла тарелку с фруктами и, притащив бамбуковую табуретку, уселась рядом.

Какое-то время они сидели в молчании. Лань Сяньюй очистила несколько плодов лонгана и протянула их Умину.

Они были ровесниками, оба обладали тонкими чертами лица, но Умин не казался таким недостижимо знатным, как Чжуан Шаогун. В глазах девушки они оба были лишь гонимыми судьбой странниками. С ним она чувствовала себя куда свободнее, чем с Чжуаном, а потому не удержалась и вздохнула:

— Я тебе даже завидую.

Умин, полулежа в кресле с видом человека, которому опостылела сама жизнь, слегка повернул

голову и искоса взглянул на неё.

— Господин Чжуан — человек добрый, — продолжала она. — Он не только спас нас, несчастных заложниц, но и отдал жемчуг Ма Минвану, чтобы тот присмотрел за нами. А ведь этот жемчуг — сокровище редчайшее, небось, берёт его для дочери Главы союза Е? Я хотела было попросить его замолвить слово, чтобы нам, плакальщицам, позволили остаться при Вратах Духовной Настройки, а он взял да и назвал меня сестрой. Будь я девушкой с чистым прошлым, не задумываясь, отдала бы ему сердце и последовала за ним хоть на край света, но...

Лань Сяньюй осеклась и горько усмехнулась:

— Но судьба — злодейка. После того, что сотворил со мной этот проклятый старик из Врат насекомых, жизнь моя разрушена навсегда.

Умин, словно уловив скрытый смысл её слов, опустил ноги на пол, останавливая качание кресла.

— В этом мире всегда есть те, кому везёт, — не унималась девушка. — Дочь семьи Е с рождения окружена заботой могущественного отца. И неважно, хороша ли она собой или талантлива — из уважения к отцу лучшие мужи Поднебесной встанут в очередь, чтобы она могла выбирать. Будь я на её месте, непременно выбрала бы господина Чжуана в мужа, но увы. У меня нет ни денег, ни власти, я опозорена, и ни один мужчина никогда не полюбит меня искренне.

— Ну и девка, — Умин поднёс чашу к губам, сдул пар и сделал глоток. — Грязная и жалкая, словно кусок болотной тины.

Лань Сяньюй, надеявшаяся излить душу и получить хоть каплю сочувствия, от таких слов так и застыла на месте. Она похолодела; она вдруг вспомнила, что в ту ночь Умин действительно собирался перебить всех пленниц. Только сейчас до неё дошло: этот юноша лишён всякого милосердия и презирает её до глубины души.

—... Верно, я — грязная тина. Но разве я этого хотела? Так распорядилась судьба, так неужели это повод для насмешек?

Умин ответил:

— И лотос, и гнус рождаются из тины. Один выходит из неё чистым и прекрасным, а другой лишь нудно зудит над ухом, вызывая одно отвращение.

Лань Сяньюй опешила. Лишь мгновение спустя смысл сказанного дошёл до неё:

— Ты... ты сравнил меня с мухой?

— А разве нет? — Умин коротко, зло рассмеялся. — В моих глазах ты — лишь кровососущая мошка. И я не прихлопнул тебя до сих пор только потому, что наш молодой господин даже муравья обидеть боится.

Лань Сяньюй вдруг осознала, насколько отвратителен ей этот юнец:

— Ты слишком много о себе мнишь! Какая ещё мошка? Я знаю, что такое благодарность. Сейчас у меня ничего нет, но я непременно верну долг господину Чжуану! Я говорила, что завидую тебе, лишь потому, что ты — мужчина и можешь служить ему, не опасаясь гнева девицы Е. Но я и подумать не могла, что ты окажешься таким ничтожным и злобным человечешкой!

Умин поставил чашу на столик и тихо проговорил:

— Ты ошибаешься. Я — не человек.

Не успела Лань Сяньюй и глазом моргнуть, как у неё перехватило дыхание. Ледяная и яростная сила подхватила её, оторвав от земли. В следующее мгновение она уже висела над перилами, за которыми зияла пустота над рекой. Умин, небрежно опершись на ограждение, держал её за ворот. Он слегка качнул рукой — послышался треск рвущейся ткани. Ещё секунда, и она рухнет в воду.

Девушка смертельно побледнела и судорожно вцепилась в его руку. Вся былая жалость к себе вмиг улетучилась.

— Я обучу тебя технике дыхания Секты Радости. Если через десять дней не освоишь её — продам твоих сестёр в бордель. А что до тебя... — Умин помрачнел. Он чуть сжал пальцы, вливая в неё струю чистой, но обжигающей внутренней энергии. Он едва заметно улыбнулся: — Ты получила дозу моего порошка Семи страстей. Если не будешь усердно тренироваться и не получишь противоядие, действительно превратишься в зловонную грязь.

Лань Сяньюй слушала его, не в силах вымолвить ни слова. Осознав угрозу, она в ярости уставилась на Умина.

Этот юноша с его дерзким взглядом, расхристанной одеждой и болезненной худобой скрывал под хрупкой кожей мощь и свирепость дикого зверя. Он был сущим демоном. Она никак не могла понять, почему рядом с таким святым человеком, как господин Чжуан, околачивается это исчадие ада.

— Плавать умеешь? — спросил Умин.

Лань Сяньюй пришла в себя:

— Умею.

Умин тут же разжал пальцы. Проводив взглядом всплеск воды, он скомандовал:

— Выбирайся. Буду учить тебя боевым искусствам.

Когда Чжуан Шаогун вернулся с прогулки и вышел на галерею, он застал там Лань Сяньюй и Умина. Тот валялся в кресле и лениво швырял плоды лонгана, метко попадая девушке в живот. Лань Сяньюй не только не злилась, но и прижимала ладонь к животу с таким видом, будто познала некое высшее откровение.

Чжуан Шаогун, увидев эту сцену, решил, что стал свидетелем какой-то тайной и предосудительной близости. Он мгновенно развернулся и ушёл.

Он сгорал от ревности. Он грезил об Умине, открыл ему душу, но тот лишь велел ему убираться прочь. Зато какая-то девица из Врат Богини могла безнаказанно лнуть к нему, и даже эта названная сестра, которую они знали всего пару дней, уже обменивалась с ним многозначительными взглядами. Казалось, Умин был благосклонен к любым девицам, и те платили ему взаимностью.

Из этого Чжуан сделал неутешительный вывод: Умин, по всей видимости, был большим охотником до женского пола.

Уди, заметив, что Лань Сяньюй застыла в позе «сосредоточения на истоке», понял, что Умин обучает её способам управления энергией. Эта стойка была ему знакома — техника Секты Радости из древнего Шу, позволяющая сокрушать дух противника звуком; особенно эффективна она была при использовании колокольчиков, но в целом не представляла собой ничего сверхъестественного. По правде говоря, именно он в своё время раздобыл этот свиток ради забавы, а теперь Умин так легко распорядился его добычей.

Потеряв интерес к зрелищу, Уди отправился вслед за Чжуаном в дом — собирать вещи к завтрашнему отъезду.

Чжуан Шаогун выглядел мрачнее тучи. В конце концов он не выдержал:

— Уди... скажи, Умин ведь любит женщин?

Уди этот вопрос показался крайне нелепым:

— С чего бы это молодому господину спрашивать? Старший брат не любит женщин? А кого же ему любить — мужчин, что ли?

Чжуан Шаогун долго молчал, прежде чем ответить:

— Но нельзя же быть столь легкомысленным. Взаимная симпатия должна рождаться из глубоких чувств и сдерживаться правилами приличия. Как говорится, «радость без распутства». Нужно прежде всего совершенствовать свой дух. А если бросаться на каждую встречу — чем тогда человек отличается от скотины?

Уди опешил. Поразмыслив немного, он понял, что этот книжный червь вконец запутался в своих догадках, но прояснить ситуацию не спешил. Он осторожно потрогал горящий от боли подбородок — Умин отравил его снадобьем под названием «Толстокожесть». За эти дни ему удалось вытравить яд и спасти лицо, но подбородок всё ещё ужасно распух, и даже та ямочка, которую Умин в насмешку назвал «ямочкой красавца», исчезла под отёком.

И всё это — из-за Умина. При этой мысли Уди ехидно усмехнулся:

— Молодой господин многого не знает. Старший брат всегда смотрел на женщин как на игрушки, ни о каких глубоких чувствах там и речи нет. Просто многим девицам по душе его холодность и пренебрежение. Как говорится, «охота пуще неволи».

—... Неужели? — Чжуан Шаогун нахмурился. Ему казалось, что Умин просто равнодушен к условностям, но никак не бессердечен.

Уди скорбно кивнул:

— Именно так. Он так истощил свои жизненные соки этими забавами, что и заработал себе чахотку.

Лицо Чжуана Шаогуну стало ещё мрачнее. Чахотка, как он знал из книг, часто была следствием дурного ухода в детстве или пагубных излишеств в юности. В начале болезнь ещё можно вылечить, но «когда плоть истаяла, а больной прикован к ложу — спасения нет». Его прошиб холодный пот. Неужто Умин постоянно валяется в постели потому, что знает о своей скорой кончине? И именно поэтому он отверг его чувства и просил позаботиться о какой-то «возлюбленной»?

Уди, решив, что Чжуан всё ещё злится на распутство друга, подлил масла в огонь:

— Вот ведь ирония: женщин он любит, ни в грош их не ставит, но при этом обожает уводить чужих невест. Сами посмотрите, молодой господин, — он указал на своё лицо, — этот подбородок он мне испортил именно из-за такой истории.

Чжуан Шаогун рассеянно кивнул, не слишком вникая, при чём тут подбородок. Он выдавил из себя пару слов утешения и вдруг спросил:

— Уди, ты ведь знаком с Умином не первый год. Знаешь ли ты, кто та женщина, что мила его сердцу?

— У старшего брата — и сердце? — Уди едва не расхохотался, но вовремя спохватился и принял серьёзный вид. — Если бы у него кто-то был, я бы знал первым.

Разговоры о сердечных делах с молодым господином начинали его утомлять. Ладно бы речь шла о женщинах, но обсуждать в таком ключе своего жоака, Умина, Бедствие болезни... Молодой господин того и гляди спросит, кто Умину больше по нраву — мужчины или женщины.

Уди вспомнил, как в шестнадцать лет они с Умином и Уцэ рассматривали в комнате Усиня картинки из «весенних альбомов».

У самого Уди кровь тогда бурлила, Уцэ подглядывал сквозь пальцы, Усинь давал профессиональные комментарии. И лишь Умин листал альбом с самым скучающим видом: хоть мужчины там были изображены, хоть женщины — он и бровью не повёл.

Спрашивать, кто Умину по нраву, — всё равно что интересоваться половыми предпочтениями меча или копья.

Видя такую уверенность Уди, Чжуан Шаогун понял: тот человек, которому Умин собирался доверить своё «завещание», — явно не он. Он замолчал, погружённый в свои невесёлые мысли.

<http://bllate.org/book/17481/1695001>